

ГЛАВА 28. Открытый урок учителя Яня

Янь Шань не знал, когда именно в голове Лу Цунбая зародился этот умысел. Он даже момент, когда сам начал во всём полагаться на него, помнил смутно — всё словно подёрнулось дымкой.

В тех запылённых закоулках памяти, что иногда открывались ему, первым всегда шёл Лу Цунбай. Он занял место семьи, разогнал его одиночество. Позже они вместе выросли, входили в мир взрослых, пробивали себе дорогу в обществе... Он неизменно был рядом.

Однако по какой-то причине все эти события затерялись в бурном потоке лет, стираясь и капля за каплей исчезая из памяти.

***

Девятнадцать лет спустя

Сон учителя Яня выдался беспокойным.

Всю ночь ему виделось то, что он рассматривал перед сном: старые фотографии, наброски, диалоги, записанные в обрывках черновиков. Но стоило проснуться — и в голове не осталось ни крупинки, одни лишь спутанные образы, превратившиеся в липкую кашу.

— Неужели современные технологии так развиты, а лекарства от моей болезни до сих пор не придумали? — Янь Шань нахмурился и проворчал это себе под нос гнусавым со сна голосом.

Медленно открыв глаза, он увидел привычную обстановку. Перед ним была его маленькая комната, которая не менялась годами.

Точно. Ему уже тридцать пять.

Он больше не тот оборванец, что жил стиснув зубы, считал каждую копейку и не смел купить лишний кусок мяса.

Теперь он по-настоящему счастлив. У него есть дом, машина и муж.

Янь Шань протёр глаза, сладко зевнул и потянулся за телефоном, лежавшим у подушки. Будильник звонил уже дважды, но он его не слышал. В мессенджерах горела целая гора красных уведомлений — работа не ждала. Такова была цена за лишний час сна.

Лу Цунбай звонил два раза.

«Ну, это не страшно», — подумал Янь Шань. Снова зевнув, он перевернулся на бок, поуютнее закутался в одеяло и с закрытыми глазами набрал ответный номер.

После второго гудка на том конце коротко сбросили. В трубке зазвучали частые гудки.

— А? — Янь Шань недоуменно моргнул.

В следующую секунду пришёл запрос на видеосвязь.

Янь Шань нырнул под одеяло, оставив снаружи только глаза. На экране появился Лу Цунбай. Он был в строгом костюме, судя по фону — в конференц-зале. Похоже, совещание только что закончилось.

Стоило Лу Цунбаю увидеть мужа, как он мгновенно смягчился и улыбнулся.

— Снова валяешься? Смотри, так и открытый урок проспичь.

Янь Шань прищурился, внимательно рассматривая человека на экране. С годами Лу Цунбай стал по-настоящему статным красавцем. Он выглядел гораздо солиднее, а взгляд стал спокойным и твёрдым. От прежней осторожности и робости не осталось и следа — теперь он действительно ничего не боялся.

Янь Шань лениво улыбнулся.

— Урок только днём, ещё целых два часа в запасе.

Лу Цунбай тихо рассмеялся.

— Ты всё такой же. Вечно никуда не торопишься.

Янь Шань промолчал, продолжая разглядывать его через экран, подмечая перемены. В каждом мелком штрихе он находил что-то новое, и это наполняло его сердце тихой радостью. Некоторое время они просто молча смотрели друг на друга.

— Почему ты так на меня смотришь? — наконец с улыбкой спросил Лу Цунбай.

Янь Шань моргнул.

— Сон приснился. Проснулся и понял, что ужасно по тебе соскучился. Дай хоть наглядеться.

Он и раньше не скупился на нежности, так что Лу Цунбай, прожив с ним в браке столько лет, давно к этому привык.

— Неужели и ночи не выдержал? — Лу Цунбай нарочно растягивал слова. — Малыш Шань, ты у меня такой липучка.

— А что поделать? — Янь Шань ответил прямо. — Я же боюсь одиночества. Думаешь, почему я в десятом классе вечно к тебе спать заваливался?

Лу Цунбай замер. Он на миг перестал улыбаться и изумился. Он словно не верил своим ушам, несколько раз открывал рот, но не находил слов.

— Ты редко вспоминаешь школу, — наконец осторожно начал он. — С чего вдруг такие мысли?

Янь Шань, не в силах сдержать торжествующую ухмылку, притворно возмутился:

— Кое-кто обещал, что когда разбогатеет, накормит меня хого. И где моё угощение? Я даже запаха бульона до сих пор не почувствовал.

Лу Цунбай рассмеялся.

— Только потому, что лекарства, которые ты сейчас принимаешь, требуют диеты. Вот закончишь курс, и сразу пойдём. Я ведь даже инвестировал в один отличный ресторан от твоего имени, там подают великолепный говяжий язык.

Он подался вперёд, вглядываясь в экран:

— Ты что-то вспомнил, да? Тот период в школе?

— Если точнее, то самое наше знакомство. Но дальше — всё ещё туман.

Янь Шань потянулся и уставился в потолок, оставив телефон на подушке. Лу Цунбай слушал его молча, и казалось, будто он лежит совсем рядом. Он рассказал всё, что удалось выудить из памяти, и в конце добавил с глубоким вздохом:

— Ужасно хочется тебя обнять. Ты сейчас и богатый, и влиятельный, но как вспомню, каким ты был тогда — потерянным и беспомощным, — так сразу хочется прижать тебя к себе.

Лу Цунбай на мгновение отвел взгляд, взглянул на календарь и мягко произнёс:

— Осталось ещё два дня, и я вернусь. Потерпи, родной, разберись сначала со школьными

делами.

Янь Шань перевернулся на живот, обнимая одеяло.

— У-у-у, но я правда очень соскучился.

Лу Цунбай на мгновение прикрыл глаза, сдерживая улыбку.

— Обычно ты таких слов не говоришь. Что это ты сегодня такой ласковый?

— Потому что люблю тебя, — просто признался Янь Шань. — Эх, если бы я мог вернуться в прошлое! Я бы спрятал тебя, откормил бы досыта, чтоб ты в каждом приёме пищи мясо видел. Если ты был никому не нужным ребёнком, то для меня ты — самое дорогое сокровище.

Лу Цунбай лишился дара речи.

Янь Шань только вошёл во вкус и хотел было продолжить свои излияния, но вверху экрана всплыло уведомление: ассистент в чёрном костюме напоминал, что пора вставать, завтракать и готовиться к уроку.

— Эх, придётся закругляться, — с сожалением вздохнул он. — Мне пора выходить. Вечером созвонимся. Уроки — это так утомительно, совсем не хочется никуда идти.

Лу Цунбай помолчал секунду, а затем спросил:

— Может, тогда уволишься и придёшь ко мне в компанию работать?

— Э-э... нет, пожалуй, откажусь. Мне по душе свободный график.

«Работа не волк, работа — ворк», — подумал Янь Шань. Несмотря на то что он давно обеспечил себе безбедную жизнь и мог бы не работать вовсе, он оставался главой студии. Да и корпорация Лу Цунбая держалась на его решениях. За ними стояли сотни людей, которых нужно было кормить. Пока не найдётся достойная замена, им придётся продолжать жизнь «офисных рабов».

***

Янь Шань с неохотой завершил видеозвонок.

Его Сяо Лу-цзун сказал, что днём будет занят, так что разговор продолжится вечером. Он тоже признался, что очень скучает, и это немного подсластило пилюлю предстоящего урока. В

конце концов, после занятий он сможет вернуться домой к мужу. От этой мысли стало тепло на душе.

Умывшись, Янь Шань надел обычное худи, а отросшие волосы собрал в небрежный пучок. Один взгляд на него — и сразу ясно: художник. Перед выходом он мельком глянул в зеркало: выглядел он не как важный гость, а скорее как студент-старшекурсник.

Вспомнив, как представительно выглядит Лу Цунбай в своих идеальных костюмах — воплощение зрелости и достоинства, — Янь Шань невольно поморщился. Сам он на его фоне казался подростком, у которого затормозилось развитие.

Стоило ему выйти за порог, как ассистенты в чёрных костюмах тут же взяли всё под контроль. Сначала — обед в ресторане при компании. Принимающая сторона подготовила пасту с говядиной и сморчками, борщ и умеренно сладкий десерт. По привычке Янь Шаню подали и холодный чай с мятой, сорванной всего два часа назад.

Пока свита Господина Лу занималась организацией, Янь Шань, пребывая в блаженном неведении, просто наслаждался едой. Закончив трапезу, он довольно зажмурился. После короткого отдыха ассистент принёс лекарства и материалы для лекции.

Янь Шань привычно закинул горсть таблеток в рот и проглотил их, даже не запивая.

— Почему в списках приглашённых гости со стороны? — спросил он, листая бумаги. — Разве это не закрытое мероприятие для Четвёртой школы?

Подавая воду, ассистент пояснил:

— Формат сделали полуоткрытым. Руководство школы пригласило деятелей культуры города Т, представителей Академии изящных искусств университета Т и городское начальство. Вы редко даёте лекции, желающих послушать очень много. Утром даже звонили из бюро по туризму — хотят пригласить вас на форум, чтобы вы помогли с идеями для развития индустрии развлечений в городе.

Янь Шань лишь беспомощно покачал головой.

— Я простой художник. В бизнесе я смыслю как свинья в апельсинах.

— Вы излишне скромны, учитель, — вежливо возразил ассистент. — Работам вашей студии сейчас нет равных в стране.

***

В два тридцать дня, когда Янь Шань вошёл в актальный зал Четвёртой школы, там яблоку было негде упасть. Люди заполнили всё пространство — от первых рядов до галёрки. Тысячи людей посмотрели на боковую дверь, ожидая появления гостя.

В сопровождении провожатых Янь Шань поднялся на сцену. Никаких бумажек с речью — только пульт для презентации в руке. Всё, что он хотел сказать, было у него в голове.

Зал взорвался аплодисментами. Янь Шань держался непринуждённо и спокойно, словно находился в своей студии. После короткого приветствия он сразу перешёл к делу.

— Тема сегодняшней встречи: «Различия в развитии китайской и западной живописи». И у нас, и за рубежом сейчас наблюдается одна и та же проблема — нехватка оригинальности. Жажда наживы губит искусство, и мы не можем закрывать на это глаза. Мы живём в эпоху творческого засухи. Рынок переполнен низкосортным суррогатом, а плагиат беспардонно вытесняет подлинное творчество...

Чувство было странным. В студенческие годы Янь Шань не раз выступал перед публикой, так что внимание толпы его не пугало. Он чувствовал себя спокойным, как гладь лесного озера. Материал, который он усвоил ещё в университете, лился сам собой.

В какой-то момент он невольно вспомнил их совместное «покаяние» под флагом вместе с Лу Цунбаем. Тогда на них тоже смотрели сотни людей, но им обоим было абсолютно плевать. От этого воспоминания Янь Шань мимолётно улыбнулся.

Лекция длилась два с половиной часа. Учитель Янь вошёл в раж и едва не забыл о времени. Он щедро делился своими наработками и выводами, накопленными за годы практики. Когда он закончил, зал разразился овациями, которые, казалось, не смолкнут никогда.

Ведущему пришлось долго успокаивать аудиторию жестами.

— Урок учителя Яня был просто захватывающим! — воскликнул он, улыбаясь. — Мы совсем потеряли счёт времени. Столько пиши для размышлений! Уверен, у многих появились вопросы. Я уже вижу поднятые руки в секторе наших учеников. Что ж, перейдём к обсуждению. Прошу, задавайте вопросы учителю Шаню.

Люди повсюду поднимали руки: и в ученических рядах, и в секторе прессы на балконе. Ведущий первым выбрал ученика Четвёртой школы.

Мальчишка, явно перенервничав, не успел толком сформулировать вопрос. Встав, он замялся на пару секунд, а потом выпалил:

— Учитель, а у вас есть девушка?

Зал грохнул от смеха. Даже почётные гости в первых рядах не удержались от улыбок. Ведущий поспешил сгладить ситуацию:

— Ну, такие вопросы задавать, пожалуй, не совсем уместно.

Янь Шань понял, что многие в зале гадали о том же. Скрывать ему было нечего.

— Почему же, я отвечу. У меня есть любимый человек. Я могу выглядеть как вчерашний выпускник, но на самом деле я в браке уже тринадцать лет.

По залу прокатился гул удивления, перемежающийся с разочарованными вздохами девчонок. Уловив краем уха чьи-то перешёптывания, Янь Шань добавил:

— Нет, он не художник. Он занимается бизнесом.

«Ну... финансы — это ведь тоже бизнес... наверное?» — подумал он. Янь Шань не знал, как толком представить своего грозного президента. Статус Лу Цунбая был таков, что его лицо знали в каждом доме, он выступал на экономических форумах как лидер отрасли. Лишний шум был ни к чему. Он, как порядочный супруг большого босса, решил соблюдать скромность.

Ответ был принят, и ведущий перешёл к следующему вопросу. Слово дали мужчине в чёрном из сектора прессы на втором ярусе. Тот, едва встав, сразу перешёл в атаку:

— Учитель Шань Фэн, насколько нам известно, ваша студия сейчас активно занимается коммерческими проектами — адаптациями новелл и сценариев. Это в корне противоречит вашим словам об оригинальности. К тому же, вы сосредоточены исключительно на внутреннем рынке, а западную школу упоминаете лишь вскользь. Позвольте спросить: имеете ли вы вообще право выступать здесь с подобными лекциями?

В зале воцарилась напряжённая тишина. Никто не ожидал такой неприкрытой провокации. Городское начальство и профессора из Академии изящных искусств университета Т заволновались — скандал в такой обстановке был недопустим.

Янь Шань лишь спокойно улыбнулся.

— Спасибо за вопрос. Прежде всего, должен заметить: всё, что я сегодня озвучил, — это результаты многолетних исследований Академии изящных искусств университета А, опубликованные в научных журналах. Если не поленитесь проверить, найдёте мою фамилию среди авторов. Наша студия делает всё возможное для защиты авторской среды в стране, а адаптации составляют лишь тридцать процентов нашего портфеля. Но, чтобы не превращать лекцию в рекламу, я не стану перечислять наши оригинальные работы.

Он обвёл зал уверенным взглядом:

— Я окончил Академию изящных искусств университета А, четыре года стажировался в Стране Ф, где работал с европейскими мастерами и авангардистами. Что касается отечественной живописи, я изучил её вдоль и поперёк — от коммерции до музейных архивов. Не претендую на звание истины в последней инстанции, но в вопросах понимания живописи я пока не встречал коллег, способных на равных вести со мной глубокую дискуссию. Живопись для меня — священное искусство. Это вся моя жизнь, и я готов посвятить её поиску истины.

Янь Шань прищурился, глядя на оппонента:

— Как вы считаете, достаточно ли у меня квалификации?

Мужчина промолчал и сконфуженно сел на место. Через пару мгновений зал взорвался аплодисментами — ещё более громкими и искренними, чем прежде. Ведущий, не скрывая восхищения, произнёс:

— Учитель Шань Фэн, это было великолепно сказано.

— Благодарю. Продолжим? — скромно отозвался Янь Шань.

«И это всё? — пронеслось у него в голове. — Наняли бы хоть кого-нибудь с языком поострее». Похоже, конкуренты заслали шпиона, но Янь Шаня было не так-то просто вывести из равновесия. Он ждал следующего хода.

Ведущий снова начал выбирать из толпы.

— Так, теперь давайте обратимся к левой стороне... О, вот вы, господин в чёрном! Вы ведь учитель нашей школы? Что бы вы хотели спросить?

Мужчина неспешно поднялся. Он застегнул пуговицу пиджака — каждое движение было исполнено элегантности и достоинства. На манжетах блеснули золотые запонки в виде гончих. Это был красивый мужчина с волевым лицом и уверенным взглядом.

Он заговорил негромко, но в его голосе чувствовалась такая сила, что весь зал мгновенно затих.

— Учитель Шань ответил блестяще, я тронут до глубины души. Вы упоминали, что живопись для вас важнее всего. Позвольте узнать, что в вашем сердце занимает первое место: искусство или...

Янь Шань почти вырвал микрофон у ведущего и выпалил, едва не перейдя на крик:

— Конечно, любимый человек! Я выбираю семью!

Он смотрел на «учителя», чувствуя, как по спине пробежал холодок, а голова пошла кругом.

«Что... что этот великий президент здесь делает?!»

Лу Цунбай лишь едва заметно улыбнулся и одобрительно кивнул:

— Весьма неплохо.

Янь Шань почувствовал, как по лбу скатилась капля холодного пота.

<http://bllate.org/book/17575/1713533>